

а н а с т а с и я к р а с о в с к а я

Колье, браслет с кольцом, боди
и платье Chanel

МОДЕЛЬ ИЗ МИНСКА **АНАСТАСИЯ КРАСОВСКАЯ** ДЕБЮТИРОВАЛА В АВТОРСКОЙ ДРАМЕ «ГЕРДА» НАТАЛЬИ КУДРЯШОВОЙ — И ТУТ ЖЕ ПОЛУЧИЛА ПРИЗ ЗА ЛУЧШУЮ ЖЕНСКУЮ РОЛЬ НА МЕЖДУНАРОДНОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ В ЛОКАРНО, ВОСТОРЖЕННЫЕ ОТЗЫВЫ ОТ РЕЖИССЕРА ГАСПАРА НОЭ И КОМПЛИМЕНТ «СИЛЬНАЯ РАБОТА» ОТ ПРОДЮСЕРА АЛЕКСАНДРА РОДНЯНСКОГО.

ПРИЯТНО, ЧТО В РУССКОМ КИНО НЕ ТОЛЬКО ПЛОДОНОСЯТ ФАМИЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ, НО И РАБОТАЕТ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ: КОСМИЧЕСКАЯ ХАРИЗМА И ВЕЛИКАЯ КРАСОТА — НАСТЯ НЕ ИГРАЕТ, А ПРОЖИВАЕТ И ПРОЖИГАЕТ КАЖДЫЙ КАДР, ПРЕВРАЩАЯ СВОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ЭКРАНЕ В ВИДЕОАРТ УРОВНЯ БИЛЛА ВИОЛЫ. МОЖНО БЕСКОНЕЧНО СМОТРЕТЬ НА ОГОНЬ, ВОДУ И АКТРИСУ КРАСОВСКУЮ — И ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЧАЩЕ!

Студентка факультета социологии Лера (мама — лунатик, отец — алкоголик, друг — художник и модельщик Юра Борисов) по ночам обворачивается стриптизершей Гердой — и святой из хтонической российской провинции. Режиссер «Герды», сценаристка и актриса Наташа Кудряшова встретилась с Настей Красовской на «Кинотавре» — а как и не расставались: обсудили моделинг в Китае, сообщения в директ от Ноэ, интровертов, телесность и как сняли самую антиэротичную сцену в русском кино.

Текст АНДРЕЙ ЗАХАРЬЕВ

**А вы могли бы назвать себя подругами?
Или это сугубо деловые отношения?**

Наталья: Я вчера на вечеринке «Кинотавра» была в ее лифчике и в ее боди. Это отлично иллюстрирует отсутствие какой-либо дистанции между нами. Хотя на съемках «Герды» мы работали все же с дистанцией. Я — интроверт, Настя тоже. Так что сближались постепенно.

Анастасия: Наша дружба — эффект того, что происходило на съемках. Мне кажется, мы с тобой сблизились, когда ты меня бить начала.

Наталья: (Смеется.) Она шутит. Мы точно стали общаться менее формально после того, как я родила ребенка (Наталья родила сына во время съемок «Герды». — Прим. ред.). Ко мне приезжали ребята из съемочной группы, и Настя, конечно же, тоже.

Анастасия: Ты позвонила и сказала, что родился Тим. Я обрадовалась — какая новость хорошая! Да, тогда я и поняла — ты мне небезразлична.

Наталья: У меня все случилось раньше: я бы не смогла снимать актрису, которую не была бы влюблена как режиссер. И эта влюбленность произошла, как только я увидела твою, Настя, фото. Я поняла, человек на снимке — по глазам, внешности, достоинствам и недостаткам — мой человек. И на площадке была магия: вроде мы незнакомы, а чувствуется связь.

Анастасия: Любишь меня?

Наталья: Люблю тебя очень.

Анастасия: А я тебя.

Наталья: Мы долго не виделись, почти полгода — с тех пор, как сняли «Герду» и до момента, когда приступили к монтажу. Я все время пандемии жила в Подмосковье, а Настя была у себя в Минске, работала в Китае. Но мы переписывались.

Анастасия: Да, я ведь работала подиумной моделью с 18 лет. Снималась для журналов. Ездила в Европу. Была в нью фейсах Dolce & Gabbana. Но больше всего времени провела в Азии. С европейскими проектами забавно: даже в Милане я чаще ходила для азиатских брендов. А в Шанхае мне понравилось принимающее агентство, и я долго жила там.

Помню, приехала из Китая и в первый же день выложила «сторис», что я в Москве. И тут мне звонит Наташа: «А почему ты мне не сказала, что приехала?» Говорю: «Я не успела». И все, мы сразу встретились. Она говорит: «Ты не хочешь фильм-то посмотреть — увидеть, каким он получается?» Понимаете, мы как будто и не прекращали общаться, у нас разговоры непринужденно начинаются, без «привет, как дела?»

ответила, что на каждый зачет надевает новые, чтобы «халява прилетела». «Разве не слышала о таком, мам? Ну скажи еще, что вы в институте на крыше не какали».

Анастасия: Да-да, «а потом какашки замерзают и падают сверху на студентов».

Наталья: Обе эти сцены не вошли в финальный монтаж. Они хорошо смотрелись в сценарии, но в кино уводили в сторону, «отсасывали» драматизм.

Анастасия: Еще мне было страшно, когда нужно было первый раз поговорить с Наташей по зум. Я думала, мы будем разбирать эти две сцены, а Наташа начала задавать разные вопросы — что я знаю про стриптиз? Каких режиссеров люблю? Перечисляла фильмы, называла имена. Я пыталась сделать умные глаза, но понимала, что ничего не понимаю. Зато видела, что ты, Наташ, это чувствуешь.

Наталья: Это был разговор чужих людей, которые пытались друг друга прощупать. Когда Настя приехала в Москву, на «Мосфильм», мы провели там 3,5 часа вместе — и полегчало. Мне стало примерно понятно, как с Настей работать, а Настя примерно поняла, что я с нее не слезу.

Анастасия: Следующие страхи появились, когда я узнала, что мне надо будет научиться танцевать на пилоне, крутиться вниз головой, а потом будут сцены под водой. Но это был крутой экспириенс для меня. Где бы я еще это все попробовала?

Наталья: А тебе это нужно было?

Анастасия: Ну как сказать? У меня и мысли не было о том, чтобы становиться актрисой. Все само случилось. Мама прислала мне объявление о кастинге, я сбросила фотографии, меня пригласили на пробы. Конечно, было страшно, что я опозорюсь и облажаюсь.

Кстати, стриптиз может мне еще понадобиться — если не будут предлагать съемки, стану стриптизершей. Почему бы и нет? Мне, кстати, пару раз на интервью говорили что-то оскорбительное про эту профессию. Хотя я-то ничего плохого в ней не вижу — напротив, дико красиво и безумно сложно.

Наталья: Мы снимали в Туле в настоящем клубе и обалтели, как у нас все в фильме мягко по сравнению с тем, что происходит в таких местах на самом деле. Мы были в гримерке, видели этих девчонок: смесь отчаяния и душераздирающей надежды на то, что все будет по-другому.

Анастасия: А помнишь этот диван?

Наталья: Диван — да. У нас «плейбек» стоял в комнате для приватов, я пришла, мне кричат: подождите, Наташа, не садитесь — тут все залило спермой.

Жесткие места! И при этом девочки в красивых костюмах готовят свои выступления. Кстати, они нас ненавидели немножко. Посмотрели на Настю, говорят: ну какая из нее стриптизерша?

Анастасия: Выдумываешь? Чего-то я не слышала такого.

Наталья: Нет, было-было, хейтили нас. Говорили, что ты вообще, ничего не умеешь.

Анастасия: «Ни груди, ни попы» — говорили?

Наталья: Да: «даже сисек нет, что там снимать?» Жесткие девахи в Туле.

Анастасия: Я почти не общалась с теми, кто работал в этом клубе. Но много говорила с профессиональными стриптизершами, которые работали у нас в кадре. Выяснила много нового. Наташ, знаешь, что в стриптизе нельзя использовать блестки?

Наталья: Остаются на одежде клиентов?

Анастасия: Да! Жена увидит и больше не пустит на шоу.

**Как воспринимаете успех в Локарно?
У Наташи был приз Венецианского ки-**

Колье Chanel

Серьги, кольцо, пояс, пиджак, брюки Chanel, бра Petra

нофестиваля за главную женскую роль в фильме «Человек, который удивил всех» Меркуловой и Чупова. А у вас, Настя, впервые — и сразу за дебют.

Анастасия: Безусловно, мне это все непривычно. Поймала себя на мысли, что уже трижды выделяла картину на большом экране на фестивалях — в Локарно и «Кинотавре», но каждый раз ничего не могу с собой поделать — волнуюсь. Но в остальном стараюсь воспринимать все проще. Меня уже пару раз спрашивали, как я отношусь к тому, что мое имя теперь так легко гутлится. Не знала, что на такое ответить, но включила телефон, загуглила — прикольно! Критику тоже воспринимаю легко. У меня тут были пробы, я сыграла сцену, а режиссер говорит: «Ты так играешь, что я чуть не уснула». Я не обиделась, наоборот, очень рада — пришло потом режиссеру билет: пусть у нее будет здоровый сон, хоть в кинотеатре выспится.

Наталья: Не стоит забывать, что Настя — действующая и востребованная модель. Сколько ты в этом бизнесе? Лет десять?

Анастасия: Ну какие десять, ты меня сейчас своей ровесницей делаешь? (Смеется.)

Наталья: Хорошо, меньше, но Настя — опытный профессионал, вспышки фотокамер для нее не проблема. И у нее правильное отношение ко всему этому. Да, она будет чувствовать огромное внимание к себе, но она слишком глубокий человек, чтобы это ее испортило.

Анастасия: Сбросьте мне потом эту фразу с диктофона? Я ее переслушивать буду.

Наталья: Я помню, как сняла свой дебютный фильм «Пионеры-герои» — ко мне тоже было повышенное внимание, стали приглашать в жюри фестивалей, считать значимой фигурой. Я воспринимала это радостно, но без ажиотажа. Есть в жизни более важные вещи: любовь, здоровье родителей, дети, сложности в отношениях. По сравнению с этим успех носит совсем другой градус значимости.

Анастасия: Когда мне вручили приз в Локарно, я в первую очередь подумала, что теперь у меня есть еще больше возможностей встретить талантливых, необычных людей. Вообще, как еще реагировать на успех, я толком не знаю. Когда ко мне подходят люди и говорят что-то приятное, у меня на лице улыбка, которая некоторым может показаться высокомерной. Но это совсем не то, что я ощущаю, на деле — мне неловко, приятно, лестно.

Наталья: Мы в этом похожи, у меня так же. Но слушайте, конечно, нас все это потрясает и радует. Нас хвалят Гаспар Ноэ, к нам подходят люди после показов и говорят приятные слова. Но это все не заставит нас задрать носы и плевать на других сверху. Мы обе не такие люди, которые могут, допустим, словить звезду. Настяbeitая моделью, я — тожеbeitая жизнью. Так что с моей стороны тебе, Настя, никаких наставлений. Единственное, советую тебе в дальнейшем тщательно выбирать людей, с которыми ты будешь работать. Настя — красивая, и внимание к ней могут проявлять не только хорошие и благородные люди.

Анастасия: После появления в моей жизни кино модельная работа отошла на второй план, ее стало намного меньше. Появилось больше желания развиваться в кино.

Наталья: Мы обсуждали с Настей, стоит ли ей пойти поучиться. Но я говорю, что сейчас, когда она уже вошла в кино, жалко тратить пять лет на образование. Как вариант, поучиться два года — Настя даже приходила ко мне на курс в Московскую школу кино. В общем, мы решили, что лучше сейчас заниматься практикой — так она быстрее поймет, что и как происходит.

Больше всего я переживаю за то, как Настя будет работать с другими режиссерами. Все-таки

мы с ней были в такой плотной сцепке весь период работы над «Гердой». Но не все режиссеры так работают с актерами, некоторые не делают ничего вообще, взяли красавицу девочку — и достаточно. Настя вот говорит, что ее впечатлил крутой процесс наших съемок.

Анастасия: И ты знаешь, что я на съемках очень от тебя зажигалась: как ты живешь фильмом, сколько сил вкладываешь. Когда видишь людей, нацеленных на результат, сам становишься активнее. Процесс меня очень впечатлил.

Наталья: Но ты же понимаешь, что этого процесса может и не быть. Более того, процесс может быть плохой. Еще я говорю Насте, что не надо ходить на некоторые телеканалы — это ничего не принесет, кроме расстройства. Говорю, что важно, влюбляясь в кино, не становиться его заложницей — иначе тебя «раздергают» везде, будешь в любом не самом качественном кино сниматься и тупо рубить бабло. Наверное, материальные блага — хорошо, но не главная цель. Тем более, Настя, работает моделью в Китае, может за три месяца срубить больше, чем она получит за год в российском кино.

Но пока что Насте везет на проекты.

Анастасия: Людей я и правда хороших встречаю. Наверное, уже можно рассказать про Алису Хазанову, в новой картине которой я снялась. «Белый список» называется.

Еще у меня недавно закончились съемки в сериале Юрия Мороза «Деревенская драма»: события происходят в 1960-е годы и рассказывают о бедах внутри одной маленькой семьи. 7 октября выйдет 3 сезон «Трудных подростков» — я присоединилась к актерскому составу. А еще ожидается премьера фильма Василия Быстрова «Бульвар». В общем, кушать — есть на что. Но если что, к тебе, Наташ, жить перееду.

Наблюдаете вы, как меняется положение женщин в кино?

Наталья: Мы просто попали в эту волну, но не нарочно. Если бы я снимала кино каждый год, то можно было бы говорить о том, как я попадаю в тенденции. Но сценарий «Герды» был написан в 2016 году, далее еще четыре года я, потом и кровью, искала возможность его реализовать. Поэтому, когда говорят, что мой фильм имеет отношение к фемповестке, то это кажется ерундой. Я снимала близкую мне историю и не вынуждена, что сделала это не пять лет назад, а в 2020-м. Так и с первым моим фильмом «Пионеры-герои»: фильм вышел и попал в тренд ностальгии по Советскому Союзу. Но задумала его я в 2010-м.

То, что в кино появляется больше женщин, — круто. Появится больше мужчин — тоже будет круто. Дело не в гендере, а в том, чтобы ты смотрел кино и тебя от него перло. Кто это снимает, мужчина или женщина, — неважно.

Анастасия: С языка сняла. Я все жду момента, когда уже перестанут делить на мужское и женское и наконец-то будут смотреть глубже.

Наталья: Сейчас время от времени задают вопрос: «Как вас называть, режиссер или режиссерка?» В стране, где женщина несколько раз обращалась в полицию, а на нее обратили внимание только после того, как муж отвез в лес и отрезал ей руки? Вы всерьез хотите думать о том, какое слово лучше — режиссер или режиссерка? Какая, на хер, разница? Нужно бороться с системой, с насилием, с тем, что вообще происходит с женщинами в этой стране. А феминизм — прекрасное движение, я его поклонница и сторонник, но надо начинать с малого. И тогда мы придем к нормальному обществу, где женщин и детей не будут бить.

Анастасия: Понятие «феминизм» сегодня немного размытое, им прикрываются по разным поводам. Но давайте не забывать о том, что феминизм — это не про то, что нужно

ущемлять права мужчин. Это про приравнивание прав.

Сцена, в которой Герда шепчет детскую песню, а вокруг нее стоят мужчины с эрекцией, — как вы вообще ее снимали?

Анастасия: Я не умею петь, у меня нет слуха, и я говорила об этом всем до съемок, но все, видимо, надеялись, что я себя недооцениваю. А потом меня услышали и поняли: это не преувеличение. Перед съемками я слушала песню в оригинале, пытаясь потренироваться, чтобы попадать в ноты. Но в день съемок увидела этих актеров, и все пошло не по плану. Я была смущена и у меня получился только неловкий шепот. Я настроилась на мысль, что моей героине Лере нужно поскорее уйти, сбежать оттуда, и тогда смогла сыграть это состояние.

Вы легко говорите о телесности. На сколько вас вообще это стесняет?

Наталья: Объясню, почему я легко говорю о телесности. Я много и часто сталкивалась с актрисами, которые не снимаются обнаженными. Для меня это нонсенс, потому что у актера единственный инструмент — тело. Не понимаю, как можно устраивать на сцене стриптиз души и заливать сцену сплюсами, но при этом стесняться своей телесности? Многие известные актрисы не снимаются топлес.

Я не считаю телесность чем-то из ряда вон выходящим. Возможно, я немного изуродована «совком», поэтому у меня есть какие-то траблы и я хотела бы большей свободы тела на экране. Ну и я не понимаю, как можно рассказать историю, например, этой девочки Леры/Герды, не показывая красоту, в том числе и телесную, которая ей дана. Меня уже спрашивают про объективацию женщин, хотя я даже не очень понимаю, что это такое. Зато знаю, что в нашей стране, к сожалению, нет культуры взаимодействия с телесностью. Ни с красивой телесностью, ни с болезненной.

У меня, например, была история: мы с мужем были в Испании, сидели на завтраке в отеле. Перед нами оказалась женщина, которая кормила десятилетнего ребенка с ДЦП. Процесс кормления был настолько натуралистически неприятным, что я не смогла есть. А люди вокруг пытались ребенка подбодрить. И при этом продолжали завтракать. Тут я и поняла, что это со мной что-то не так, из-за того, что я живу в стране, где мы не понимаем и не принимаем все это, мы будто оторваны. Считаем, что это все не про нас. Нужен шаг к тому, чтобы мы научились это воспринимать и нормально относиться к своему и чужому телу.

Анастасия: И вы сразу оба посмотрели на меня. Мне-то кажется — это личное дело каждого. Не хочется показывать свое тело, не нравится тебе это — пожалуйста. Я хочу об этом говорить, хочу показать — буду. Топить за конкретную позицию как-то странно.

Фото Полина Набока

Худрук Яна Милорадовская

Директор моды Ксения Гощицкая

Стиль Эльмира Тулебаева

Визаж Ольга Арманд

Волосы Виола Пяк

Ассистенты стилиста Елизавета Жихарева,

Анастасия Пилова

Кирилла Коваленко

Текст АНДРЕЙ ЗАХАРЬЕВ
Фото: ЯНА ДАВЫДОВА

РЕЖИССЁР КИРА КОВАЛЕНКО ВЗЯЛА ГЛАВНЫЙ ПРИЗ КОНКУРСА АВТОРСКОГО КИНО «ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД» НА КАННСКОМ ФЕСТИВАЛЕ ЗА ДРАМУ «РАЗЖИМАЯ КУЛАКИ» О ПАТРИАРХАТЕ, СЕПАРАЦИИ И ВОСПИТАНИИ ЧУВСТВ ЮНОЙ АДЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ. МЫ ХОТЕЛИ БЫЛО ДОБАВИТЬ «ВЫПУСКНИЦА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ АЛЕКСАНДРА СОКУРОВА В НАЛЬЧИКЕ, ПОДОПЕЧНАЯ ПРОДЮСЕРА АЛЕКСАНДРА РОДНЯНСКОГО, ПОДРУГА КАНТЕМИРА БАЛАГОВА», — НО РЕШИЛИ СЕПАРИРОВАТЬ ЭТИ ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ ОТ ГЛАВНОГО — СЛОВО КИРЕ.

ВИЗАЖ И ВОЛОСЫ: ПОЛИНА ЕЛАНСКАЯ

Платье Alexander McQueen

ЧТО ВАЖНО ЗНАТЬ О ФИЛЬМЕ «РАЗЖИМАЯ КУЛАКИ»
У девушки Ады из маленького североосетинского городка в прошлом — семейная трагедия (теракт), в настоящем — жизнь с братом и властным отцом, в будущем — полная неопределенность. Из Ростова в отчий дом возвращается старший сын Аким, который некогда сумел вырваться от отцовской гиперопеки и уехать в Ростов. Возвращение брата становится для Ады шансом на побег.

Сценарий к своему второму фильму Кира Коваленко писала, уединившись в маленькой квартире в Кабардино-Балкарии — почти там же, где происходит действие «Разжимая кулаки». Вдохновлялась собственными отношениями с отцом и читала переписку отцов и дочерей, собранные в дагестанском проекте «Отцы и дочери».

одиночество, здесь каждый идет по собственному пути.

Насколько я понимаю, Александр Сокуров хотел превратить Нальчик в центр национального кино, но выпускники мастерской уезжают оттуда — в Москву, Петербург, Лос-Анджелес и Торонто. Что сейчас мешает делать кино в Нальчике?

К сожалению, там нет ни технической, ни профессиональной базы для этого. Нам нужно делать постпродакши, и мы едем в Москву, Петербург. Мы не можем сделать этого в Нальчике. Иначе я бы осталась в республике.

Есть ли у выпускников мастерской Сокурова какой-то свой язык? Может ли ваш национальный кинематограф стать феноменом сродни якутскому кино?

Стать феноменом — не уверена. Но у нашего региона есть особенности, и они, естественно, находят отражение в фильмах. Любопытно, что когда я вижу людей из других городов, стран, то представляю, как бы они могли жить в нашей республике? Насколько мы с ними разные? И все больше вижу сходств, нежели различий.

Когда вам говорят, что вы неправы, ваш народ не до такой степени патриархальный, вы показываете его таким в кино лишь бы подыграть западным вкусам и представлениям о вас, то вы что отвечаете?

Вообще, кино — это всегда художественный вымысел. Оно не может за полтора часа полноценно отразить национальный характер и общую картину жизни. Это всегда частная история, придуманная автором. Мне интересно работать с реальностью, брать из нее факты, но делать на их основе кинематографические образы. О том, что на Кавказе не так патриархально, — не готова с этим согласиться. Так обычно пишут мужчины или очень взрослые женщины. Но несколько девочек, еще даже не посмотрев фильм, лишь прочитав синопсис (который на самом деле далек от происходящего на экране), написали мне благодарности. Думаю, проблем, о которых мы говорим с экрана, много, и чаще всего они решаются внутри семей, негласно.

Вы как-то сказали: «Молодежь в Осетии только сейчас пробуждается». В чем это выражается?

Ко мне на пробу приходили молодые ребята, мы разговаривали, и я почувствовала, что их взгляды сильно отличаются от взглядов их родителей. Более того, молодые люди недооценены своими родителями. Когда ребята выходили после проб, и я говорила их родителям, что они талантливые, особенные — родители очень удивлялись. Это трогает, обижает. Было видно, что ребята хотели поговорить со мной. Когда у нас заканчивалось время проб, они спрашивали: «Как, это всё?» Им очень не хватает такого разговора. Они более открыты, готовы создавать что-то новое. Они не только заботятся о прошлом. Они думают о будущем.

сценария, когда наконец приходишь на съемочную площадку, ты думаешь только о фильме. Стараешься сделать хорошо именно ему. Это единственная и самая важная цель. Думать в этот момент о чем-либо другом, о будущем успехе, о том, как это воспримет зритель, — в этом есть что-то нечестное.

«Разжимая кулаки» снят на осетинском языке с субтитрами. Почему вы решили сделать именно так?

На самом деле сценарий мы написали на русском. И я прекрасно понимала, что в Осетии все говорят и на русском, и на осетинском, и на разных диалектах. Но когда начала делать актерские пробы, задавала вопрос ребятам, которые мне понравились: «А на каком языке вы говорите дома?» Все мне ответили, что говорят на осетинском — с родителями, между собой. Это был решающий момент. Больше вопросов никаких не было. После этого я позвонила продюсерам и сказала, что фильм будет на осетинском.

То есть, когда герой говорит фразу на русском, то это как раз обозначаетто, что он находится вне сообщества?

Да, у нас там всего одна такая фраза. Вообще, в бытовой речи происходит смешение русского и осетинского: например, в предложении на осетинском могут появляться, как вспышки, русские слова. Так что если вы слышите такое в фильме, то это как раз отражение современного осетинского языка. Мы пытались сделать его настолько простым и разговорным, чтобы всем актерам было удобно говорить.

Когда смотришь фильм, есть ощущение, что вы вообще диалоги и экранную речь не очень любите (что в кино, наверное, хорошо). Предпочитаете передавать происходящее пластикой, мимикой, телесности.

Мне нравятся диалоги, но я их тоже вижу как некую пластическую форму. Хочется, чтобы они гармонично сочетались с другими элементами фильма. Хочется, чтобы язык становился музыкой. Для меня важно то, как говорят герои. В этом отражение и национального характера, и личности. И очень много своеобразия.

Я верно понимаю, что вы не очень разговорчивый человек?

Да, я не очень. Мне кажется, то, что я говорю, не так интересно.

Есть в вашем окружении люди, которые до сих пор не понимают, зачем вы этим занимаетесь?

Очень тяжело.

Это черта вашего характера? Или за jaki姆, возникший после того, как на вас свалилось столько внимания?

Скорее характер, потому что я больше держу в себе, чем выкладываю. Я такая «коробочка», Я люблю собирать. (Смеется.)

Какие события и увлечения из детства и юности привели вас в ту точку, в которой вы сейчас находитесь?

На самом деле до поступления в мастерскую Александра Сокурова я совершенно не думала о кино и практически ничего не смотрела. Но помню, что в детстве у меня был такой маленький проектор, туда можно было вставлять плёнку — и меня это увлекало. Я училась на веб-дизайнер, делала мультфильмы во flash. Сдавала их в качестве учебных заданий, преподаватели смотрели и говорили: «Ну ладно», — и засчитывали. Сейчас думаю, может, как раз с этого все и началось.

Когда вы работаете над фильмом, где у вас проходит граница между зрительским и антизрительским? В каких случаях вы стараетесь сделать более привлекательно для аудитории?

Если честно, совсем об этом не думаю. Путь к съемкам фильма очень длинный, приходится много всего преодолевать. Во время работы над сценарием или разработки режиссерского

бы я следила за каким-нибудь актером, не было. То же самое с музыкантами: я лет в двадцать поняла, что не слышала много музыки и не видела многих фильмов, которые, наверное, могла бы к этому моменту посмотреть. Дело в том, что мне не хватало на это времени.

А чем вы были увлечены?

Школа искусств: я постоянно ходила на разные занятия — то шитье, то музыка — и это забирало все мое свободное время.

Помните момент, когда вы поняли: я хочу снимать, стану режиссером?

Как ни странно, но это случилось, когда мы уже оканчивали мастерскую.

Так поздно?

Да. Я поступила в мастерскую, не имея представления о режиссуре, без осознанного желания. Но интуитивно понимала, что получу хорошее гуманитарное образование — чувствовала, что мне это необходимо. А вот желание снимать кино, создавать — пришло довольно поздно.

У Александра Сокурова был какой-то специфический подход к девушкам-режиссерам на курсе?

Нас, девочек, на курсе было пятеро. Честно говоря, особого отношения я не замечала. Возможно, в личных беседах Александр Николаевич находил к нам индивидуальный подход. Мне вспоминается единственный любопытный момент: когда мастер хотел показать нам фильм Александра Растворгueva «Чистый четверг», он попросил всех девочек выйти. Оставил в зале только мальчиков. Но мы все равно потом этот фильм самостоятельно посмотрели. («Чистый четверг» — документальный фильм Александра Растворгueva о Чеченской войне. Режиссер был убит в 2018 году в Центральноафриканской Республике вместе с двумя коллегами — Орханом Джемалем и Кириллом Радченко. — Прим. ред.)

Девушка-режиссер для Нальчика и того общества, в котором вы росли, — это необычно?

Дело даже не в том, какого ты пола: вообще режиссер — это необычно. У нас в семье не было разговоров о том, что можно учиться на режиссера, и знакомых таких не было. Поэтому я ничего не знала об этой профессии. Так что, да, девушка и режиссер — прямо удивительно для нашего региона.

Есть в вашем окружении люди, которые до сих пор не понимают, зачем вы этим занимаетесь?

Сейчас, наверное, уже нет, потому что появились результаты моей работы — фильмы, участие в фестивалях. До этого — конечно, я уверена, даже мои родители долго не понимали, что я делаю и зачем это нужно. Им это казалось несерьезным. Но сейчас их отношение меняется — при том, что «Разжимая кулаки» они еще не видели. Надеюсь, будет показ в Нальчике, вовсе Владикавказе.

Вы в мастерской были самой прилежной — и поэтому первой сняли полный метр, драму «Софичка»?

На самом деле до поступления в мастерскую Александра Сокурова я совершенно не думала о кино и практически ничего не смотрела. Но помню, что в детстве у меня был такой маленький проектор, туда можно было вставлять плёнку — и меня это увлекало. Я училась на веб-дизайнер, делала мультфильмы во flash. Сдавала их в качестве учебных заданий, преподаватели смотрели и говорили: «Ну ладно», — и засчитывали. Сейчас думаю, может, как раз с этого все и началось.

Давайте я расскажу то, как эту историю знаю я, а вы дополните? Сокуров предложил студентам написать заявки на экranizацию произведений

Фазиля Искандера. Так совпало, что некоторые из вас выбрали одну и ту же повесть — «Софичку». Сначала фильм должны были снимать Кантемир Балагов и Владимир Битков, но в итоге эту возможность получили

вы — ваша заявка оказалась наиболее интересной.

Нет-нет, все было иначе. Мы долго занимались этой повестью на актерском мастерстве, ставили ее — так что она была нам всем хорошо знакома. И в какой-то момент — да, мы написали заявки на дипломные работы. При этом я хотела делать современную вещь по роману Фолкнера «Дикие пальмы». А «Софичку» сначала должен был снимать Володя Битков, но там что-то произошло, и он не смог. Далее Александр Николаевич предложил снимать «Софичку» мне и Кантемиру, но у нас возникли небольшие разногласия, и в итоге картину сняла я.

Вы не очень довольны тем, каким вышел этот фильм, и жалеете о том, как сложился его судьба. Верно?

Я со своей стороны сделала все, что могла. Фактически это мой дипломный фильм, весь пятый курс я готовилась к нему. Так что «Софичка» — это, во многом, отражение моего состояния в тот момент, ученического, студенческого, недостаточно профессионального. Я приложила максимум усилий к тому, чтобы все получилось. А вот влиять на его дальнейшую судьбу не могла, ее выбирало не я. Немало усилий я приложила и к картине «Разжимая кулаки». Но и здесь у фильма складывается уже своя судьба, на которую я так же не влияю.

Это обидно, что режиссер не может ничего больше сделать для своего героя?

Обидно за другое. Съемочный процесс похож на борьбу. Ты испытываешь огромное сопротивление тому, что изначально задумал. И потом расстраиваясь, если что-то не удается сделать так, как хотел, и если что-то не доделал.

То есть вас не отпускает картина после того, как вы уже сняли? Продолжаются рефлексия, работа над ошибками?

Мне кажется, это вполне профессионально так относиться к результату. К тому же я к себе очень строгая. Я знаю, что не вышло, что не получилось. Например, был показ в Каннах, я смотрела фильм на большом экране и видела его недостатки. Возможно, я сильно волновалась, из-за чего воспринимала увиденное немного искаженно, но все равно это был хороший урок. Наверное, я бы еще поработала с ритмом картины, кое-что передела, но не буду говорить об изъянах — вдруг они будут не так очевидны зрителю.

Правда, что до появления мастерской Сокурова в Кабардино-Балкарском университете не преподавали творческих профессий?

Не преподавали. И поэтому с нами возникали определенные сложности — мы абсолютно выбивались из привычных рамок обучения в этом университете. Самая большая проблема заключалась в том, что нам нужно было каждый день готовиться к следующему. Поэтому после занятий мы оставались repetировать, и это могло тянуться вплоть до утра. Администрация университета не понимала, что с нами делают, как нас ограничивать — не выгонять же нас за двери? Для них это было удивительно, хотя, на-верное, в любом творческом вузе это норма.

Когда вы спали, если repetировали до утра?

Когда получалось.

Что вас мотивировало?

Мы чувствовали большую ответственность — и перед мастером, и перед другими педагогами, которые у нас преподавали. От них мы получали что-то невероятное, мы понимали, что не получим такое нигде и никогда. Было просто стыдно пропустить что-то из сказанного или не сделать задание. Был страх, что мы можем что-то упустить и никогда не наверстать.

После выпуска вы с кем-нибудь из однокурсников общаетесь, кроме Кантемира?

Общаюсь, но находимся в разных точках. К тому же, наше профessionality подразумевает

благодарим Айгуль Кушаеву и администрацию кинотеатра «Пионер» за помощь в организации и проведении съемки.